

УДК 328.12-055.2"2017/2021"(045)

*Д.Б. Вершинина, Е.С. Бурмистрова***ЖЕНЩИНЫ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ В 2017–2021 ГОДАХ:
КРОССНАЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹**

В центре исследования – вопрос о сходствах и различиях в социальном портрете женщин-политиков в странах Западной, Восточной Европы и Северной Америки (Великобритания, Германия, Ирландия, Польша, Россия, США), а также корреляция между страновыми характеристиками политической и социально-экономической сфер общества и уровнем женского представительства в политике. Осуществлено кросстрановое исследование траекторий вхождения женщин в национальную политику и основных социальных характеристик женщины-парламентария на базе подготовленной исследовательским коллективом базы данных «Женщины в представительных органах власти, политических партиях и активизме, 2017–2021 гг.». Разделы базы позволяют осветить гендерную повестку политических партий, представленных в избираемых палатах национальных парламентов стран выборки, наличие или отсутствие гендерных квот на внутрипартийном или государственном уровнях, представленность женщин в партийных органах и электоральных списках 2017–2021 гг., а также составить детализированный портрет женщин-депутатов с учетом их политического и активистского опыта до прохождения в национальный парламент. С опорой на концепцию дескриптивной и содержательной репрезентации авторы выявляют ключевые характеристики портрета женщины-депутата в выбранных странах и делают вывод о том, что основным каналом рекрутирования профессиональных женщин-политиков являются партии, в частности, их региональные отделения или молодежные организации, а активизм, несмотря на его видимость в медиа, становится каналом продвижения в парламент лишь для каждой пятой женщины-парламентария в выбранных странах. На основе применения корреляционного анализа сделан вывод о взаимосвязи между гендерным неравенством в экономической сфере и представленностью женщин в парламенте, вовлеченностью женщин в управление партией и долей кандидатов женского пола от партии на парламентских выборах. Кроме того, формулируется предположение, требующее подтверждения на более широкой выборке, о том, что более значимую роль в повышении представительства женщин во фракции партии играют внутрипартийные решения по гендерным квотам, а не государственные.

Ключевые слова: гендерная политика, политическая мобилизация, политическое участие, гендерные квоты, женщина-политик, гендер, парламентаризм.

DOI: 10.35634/2587-9030-2024-8-1-91-104

Ссылка на статью:

Вершинина Д.Б., Бурмистрова Е.С. Женщины в представительных органах власти в 2017–2021 годах: кросснациональный анализ // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2024. Т. 8, вып. 1. С. 91–104. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-1-91-104>

Введение

Глобальная пандемия COVID-19, которая разворачивается с 2020 года, обозначила необходимость критического анализа эффективности управленческих стратегий в преодолении кризиса. Одним из непредвиденных открытий экспертов в этом контексте является предположение о том, что женщины-лидеры демонстрируют более эффективный ответ на пандемию по сравнению с их коллегами-мужчинами. На основе данных, опубликованных Европейским центром по предотвращению и контролю за заболеваниями летом 2020 года, было замечено, что в странах, где у руля стоят женщины, наблюдалось шестикратное снижение смертности от COVID-19 по сравнению со странами, возглавляемыми мужчинами [17]. Это открытие вызвало дискуссию среди ученых, повторяя идеи, предшествовавшие пандемии, которые утверждали, что женское лидерство и увеличение представительства женщин в политике способствует «большей сосредоточенности политики на вопросах социального равенства, устойчивого развития и инноваций, делая общества более прочными перед угрозами внешних потрясений» [17].

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ и ЭИСИ № 21-011-31794 «Мобилизация vs самоорганизация: кросснациональный анализ факторов и векторов женского участия в политике».

Несмотря на прогресс в продвижении гендерного равенства и представленности женщин на руководящих должностях, женщины по-прежнему недостаточно представлены на различных уровнях процесса принятия политических решений. Это подтверждают и статические данные, предоставленные организацией ООН-Женщины. По состоянию на 1 сентября 2021 года, в 24 странах мира женщины занимали посты глав государств и правительств. Эти данные показывают, что, хотя в некоторых странах женщины прорываются в высшие эшелоны власти, достижение полного паритета остается сложной задачей. По сути, по оценкам, до достижения гендерного равенства на высших руководящих должностях еще примерно 130 лет. Исследователи отмечают, что для признания в качестве значимого игрока на мировом рынке требуется искренняя приверженность построению устойчивого общества, что обязательно требует просвещенной политики в отношении положения женщин во всех слоях общества [Hesketh, Williams 2021]. В аналитическом отчете Совета Европы 2016 г. утверждалось, что степень представленности женщин в политической жизни является «ключевым показателем гендерного равенства и полного осуществления женщинами прав человека и в то же время условием гендерного равенства, социальной справедливости и истинной демократии» [9].

Женское представительство в политике: теоретико-методологические основания анализа

Во время второй волны женского движения в 1960-х и 1970-х годах либеральный феминизм набрал силу, породив феминизацию политики. Именно в этот период возникла новаторская концепция, подчеркивающая важность достижения критической массы женского представительства для проведения гендерно-ориентированной политики.

Ханна Питкин, американский политолог, ввела это меняющееся парадигму понятие в своей работе «Концепция репрезентации», опубликованной в 1967 году. Питкин утверждала, что представительство в правительстве служит жизненно важным инструментом для маргинализированных групп, позволяющим не только утверждать свое существование, но и также для самовыражения, когда другие возможности, такие как доступ к власти или финансовым ресурсам, ограничены [22, Р. 8-9].

Друд Далеруп в 1988 году еще раз подчеркнула важность этого явления, указав, что минимум 30 % представительства женщин среди депутатов необходимо для достижения «критической массы». Именно на этом этапе политика начинает демонстрировать подлинную инклюзивность и открытость к интересам женщин [15].

По сути, эволюция либерального феминизма и призыв к более широкому участию женщин в политике привели к появлению концепции критической массы представительства, которая с тех пор служит краеугольным камнем для формирования политики, учитывающей уникальные потребности и перспективы женщин.

Хотя дескриптивное представительство является ценной концепцией, оно не всегда гарантирует эффективную реализацию политики, ориентированной на женские проблемы. С. Чайлдс и М. Крук проливают свет на следующий аспект: рост числа избранных представителей-женщин может парадоксальным образом снизить вероятность того, что отдельные женщины-законодатели выступают за женщин как коллектив. Более того, увеличение представительства какой-либо группы меньшинства потенциально может привести к усилению недовольства среди доминирующей группы, что, в свою очередь, может вызвать регрессивную обратную реакцию. [14]. Эта динамика подчеркивает сложность достижения гендерно-сбалансированного представительства.

К схожим выводам в своем анализе деятельности женщин-депутатов в legislatures нескольких американских штатов пришла К. Брэттон: в преобладающе мужских по своему составу законодательных собраниях штатов женщины обычно активнее, чем мужчины, поддерживают законодательство в интересах женщин; при этом гендерные различия сужаются по мере того, как парламент становится более гендерно сбалансированным [12].

Многие исследования, проведенные на основе анализа как социальных портретов, так и законотворческой деятельности женщин-депутатов разных уровней власти в современной России, также подтверждают неоднозначность связи между количеством женщин в парламентах и актуализацией женской повестки в их деятельности: об этом размышляет М. А. Кашина на примере Законодательного собрания г. Санкт-Петербург [2]; Н. Н. Козлова и Ю. А. Монахова, обращаясь к женщинам-депутатам представительных органов Приволжского федерального округа, фиксируют отсутствие женской солидарности и низкую связь между депутатами и женскими организациями [3]. По сути, хотя дескриптивное представительство (когда избранные должностные лица разделяют черты груп-

пы, которую они представляют) играет значительную роль, оно меркнет по сравнению с содержательным представительством. Суть содержательного представительства заключается не только в том, чтобы походить на представляемую группу, но и в том, чтобы активно отстаивать политику, которая служит интересам этой группы.

Важно подчеркнуть, что акцент на содержательном представительстве ни в коем случае не должен умалять стремление к дескриптивному представительству. Эти два аспекта по своей сути переплетены, и их синтез дает более надежные результаты. Примером такой синергии является хорошо документированная корреляция между высоким уровнем женского представительства в законодательных органах страны и социальной направленностью государственной политики. Скандинавские страны служат примечательной иллюстрацией этой корреляции, где значительное присутствие женщин в политике способствовало формированию более социально сознательного и инклюзивного политического ландшафта (об этом еще в 1987 г. писала Хельга М. Хернес, анализируя региональный опыт «государства, дружественного женщинам» [18]).

Ценными в анализе количественного и качественного состава национальной политики могут стать кросснациональные исследования, позволяющие избежать проблемы эндогенности, которая существует в количественных исследованиях. Кросснациональный характер исследования также предполагает использование качественных зависимых переменных. Выборка стран для анализа связана с предположением А. Пшеворского о том, что для количественного анализа стоит выбирать «наиболее различные» типы систем, базируясь на разнообразных кейсах, в которых прослеживаются схожие тенденции [24, Р. 38-41].

Дизайн исследования: описание базы данных «Женщины в представительных органах власти, политических партиях и активизме, 2017-2021 гг.»

Для достижения регионального разнообразия в составленной в рамках исследования базе данных охвачены страны Восточной Европы, Западной Европы и Северной Америки. Выбор этих стран обусловлен необходимостью изучить представленность женщин в политике в различных регионах и культурах. Исследование стран Восточной Европы (на примере Польши и России), Западной Европы (на примере Соединенного Королевства, Ирландии, ФРГ) и Северной Америки (на примере США) позволяет лучше понять различное влияние региональных факторов на представленность женщин в политике. Одним из таких факторов, к примеру, является конфессиональный: с точки зрения религиозного состава населения Великобритания и США являются преимущественно протестантскими странами, Польша и Ирландия – католическими, в Германии католики и протестанты представлены на равных, а в России большая часть населения относит себя к православным, хотя растет доля тех, кто заявляет об атеистических воззрениях [1].

Реализация проекта исследовательским коллективом в 2021-2022 гг. опиралась на выбор отдельных стран из указанных регионов с учетом перспективы расширения круга изучаемых стран. Рассматривая разнообразные типы государств в регионах, например, различающиеся по индексу демократии, база данных позволяет изучить степень, в которой институциональные различия определяют результаты представительства женщин в политике. Впрочем, и на описываемой стадии исследования фактор демократичности политического строя был учтен: хотя все рассматриваемые страны характеризовались демократическими режимами правления, индекс демократии этих стран, рассчитываемый EIU [16], существенно разнился на конец 2021 г. (от 3,24 в России до 9,00 в Ирландии).

Наконец, выбор стран обоснован и тем, что они не только представляют широкий спектр мировых регионов, но и демонстрируют различные примеры истории женского представительства в политике. Польша была выбрана как страна, где действует закон о гендерном квотировании, однако политика государства не может быть охарактеризована как направленная на защиту прав женщин, о чем свидетельствуют ситуация с вопросом прерывания беременности и сильное влияние Католической церкви. В отличие от Польши, Ирландия, долгое время запрещавшая аборт и являвшаяся патриархальной страной с авторитетом Католической церкви, в последние десятилетия, наоборот, стремительно продвигается к гендерному равенству и также имеет закон о гендерном квотировании, хотя и более мягкий (в Польше с 2011 г. партии обязаны под угрозой снятия с выборов включить не менее 35 % кандидатов от каждого пола в партийные списки, а в Ирландии с 2012 г. при недостижении требуемого порога в 30 % кандидатов женского пола партия не снимается с выборов, но лишается государственного финансирования наполовину).

Хотя Великобритания и США долгое время являлись и продолжают оставаться странами, способствующими продвижению кампаний за гендерное равенство, в том числе участвуют в глобальных инициативах по продвижению прав женщин и устранению препятствий, мешающих участию женщин в политике, ни в той, ни в другой стране не действуют гендерные квоты на государственном уровне, однако с 2002 г. в Великобритании партии могут вводить собственные внутренние квоты (впрочем, лейбористы начали политику квотирования еще в 1980-х гг.). Германия была выбрана за ее роль в регионе как лидера в продвижении законов о равных правах с целью содействия большему разнообразию (в том числе, еще с конца XX в. одними из первых германские партии стали вводить внутрипартийные квоты). Россия была включена для более глубокого понимания того, как советский опыт активного решения женского вопроса и постсоветский традиционалистский поворот повлияли на региональные тенденции в отношении женского представительства, в том числе отказ от неформальных гендерных квот советского периода. Таким образом, для понимания феномена женского представительства в национальных парламентах мы учитывали показатель наличия или отсутствия гендерного квотирования на двух уровнях: государственном и партийном.

Необходимость создания базы данных объясняется отсутствием аналогичных проектов, которые позволили бы на широком кросснациональном материале как составить качественный социальный портрет женщины-депутата, так и провести количественный анализ представленности женщин в национальных парламентах с учетом различных факторов, которые могут выступать в качестве независимых переменных при корреляционном анализе. Выбор корреляционного анализа основан на возможности показать, какие из факторов среди экзогенных (характеристики политической системы, наличие гендерного квотирования на разных уровнях, уровень религиозности, уровень гендерного равенства доходов и т. д.) и среди эндогенных (характеристики социального портрета женщины-депутата) в большей степени влияют на участие женщин в деятельности представительных органов власти. При этом сочетание качественного и количественного анализа позволяет более глубоко проанализировать специфику продвижения женщин в политику как в диахронном, так и синхронном аспектах.

База данных, созданная исследовательским коллективом [6], объединяет в себе информацию по женской повестке в национальной политике выбранных стран. В нее включены данные по 46 партийным организациям (критерием отбора служило прохождение партии в национальные парламента), для которых использованы следующие показатели: применяет ли партия гендерные квоты, является ли глава партии женщиной, сколько процентов женщин присутствует в партийном президиуме, сколько процентов кандидатов от партии составляли женщины на последних выборах, каков процент женщин в парламентской фракции, каковы основные партийные позиции по женской повестке.

Еще один раздел БД посвящен женщинам-политикам, представленным в национальных парламентах в 2017-2021 гг. (1013 позиций). Операциональным критерием включения женщины-политика в БД стало как ее нахождение в любой из избираемых палат национального представительного органа на начало 2017 г., так и прохождение в такую палату в любой момент вплоть до конца 2021 г. В случаях, когда данных по депутату или партии нет в открытых источниках, соответствующая ячейка оставлена пустой.

Для общей характеристики женщин в представительных органах стран выборки (обеих палатах, если они избираются населением; исключением из этого являются Великобритания с Палатой лордов и Россия с Советом Федерации) в БД зафиксированы такие показатели, как год рождения и год первого избрания в парламент, семейное положение, количество детей, религиозная принадлежность, уровень образования, наличие профессионального опыта вне политики. В стремлении определить основные механизмы участия женщин в представительных органах власти на первый план выходят два ключевых параметра: участие женщин в партийных структурах до вступления в должность (например, активная роль в молодежных партийных организациях), а также степень политической беспартийной активности женщины-политика до вступления в должность. Сравнительный анализ этих параметров дает ценную информацию, позволяющую определить, входят ли женщины в сферу политики, руководствуясь своими личными политическими убеждениями и интересами, или же их политические позиции в первую очередь связаны с партийной принадлежностью и деятельностью.

Также в БД отражены основные позиции женщин-политиков по гендерной повестке при ее наличии в постах и выступлениях парламентария. Чтобы проследить степень успешности и вовлеченности женщин-политиков в сетевую активность, в БД включены показатели по количеству подписчиков парламентария женского пола в крупнейших социальных сетях. В дополнение к общему

количеству подписчиков также использовались показатели среднего количества постов в месяц и уровня взаимодействия подписчиков с постами.

Информация по 1013 депутатам женского пола собиралась в источниках открытого типа: СМИ, сайты политических партий, сайты представительных органов власти, персональные страницы депутатов в социальных сетях и персональные сайты в сети Интернет.

На основе собранной в БД информации был проведен корреляционный анализ, результаты которого представлены в таблице.

Результаты анализа БД "Мобилизация vs самоорганизация"
The results of the analysis of the database "Mobilization vs self-organization"

	DI	WEF GGGI	GIP	R_Pew	Q	Presid	List	Fract	In party	In activ	Incumb	G_agen da
Женщины в президиуме партии	,661**	,643**	,265**	-,189**	,172**	1	,567**	,777**	-,098**	-,066*	,083*	,059
Женщины в предвыборных списках партии	,336**	,146**	,286**	,082*	,871**	,567**	1	,732**	-,054	-,133**	,166**	-,046
Женщины в парламентской фракции партии	,442**	,296**	,131**	-,095**	,392**	,777**	,732**	1	-,078*	-,122**	,135**	-,084**
Год первого избрания в парламент	-,123**	-,053	-,130**	-,031	-,191**	-,125**	-,255**	-,178**	-,011	,086**	-,446**	,019
Путь в политику через партию	,000	-,133**	-,176**	,100**	,004	-,098**	-,054	-,078*	1	-,327**	,038	,052
Активизм до политики	-,046	,095**	,018	-,120**	-,003	-,066*	-,133**	-,122**	-,327**	1	-,114**	,044
Была ли инкумбентом на последних выборах	,117**	,011	-,137**	,011	,127**	,083*	,166**	,135**	,038	-,114**	1	,145**
Гендерная повестка	,089**	-,023	-,293**	,188**	-,140**	,059	-,046	-,084**	,052	,044	,145**	1

Женское представительство на современном этапе: проекция базы данных

На 2021 г. – последний анализируемый в БД год – доля женщин-парламентариев в выбранных странах выглядела следующим образом: ФРГ (35 %), Великобритания (34 %), Польша (28 %), США (28 %), Ирландия (23 %) и Российская Федерация (16 %) [23].

Из почти 74 % женщин, не скрывающих свое семейное положение, 81 % – замужем, лишь 11 % – не замужем и 7 % женщин разведены (рис. 1). У 59 % женщин есть дети, при этом два ребенка и больше – у 71 % женщин-депутатов. Часто на своих персональных страницах и аккаунтах в социальных сетях женщины-политики, особенно консервативные, делают акцент на том, что являются матерями, апеллируют к своему материнскому опыту. Возможно, на это влияет традиционное восприятие женщины как жены и матери, которое накладывает отпечаток на тот образ, который женщины-политики со-

здают для получения электоральной поддержки и который активно использует пресса, размышляя о профессиональных качествах женщины-политика. Материнство действительно нередко становится частью образа женщины-политика: так, в ходе борьбы за пост лидера Консервативной партии в 2016 г. соперница Терезы Мэй Андреа Лидсом акцентировала внимание на своем материнстве в противовес бездетности Мэй, заявляя, что именно матери, более чем кто-либо другой, заинтересованы в будущем страны [13]. Аналогичные претензии выдвигались в адрес бездетной Ангелы Меркель, когда в 2016 г. лидер «Альтернативы для Германии» Фрауке Петри объясняла неудачи в политике Меркель ее бездетностью: «...у меня четверо детей, а у Ангелы Меркель нет ни одного. Благодаря детям становится необходимым заглянуть за пределы своего горизонта. А Меркель этого не делает» [8].

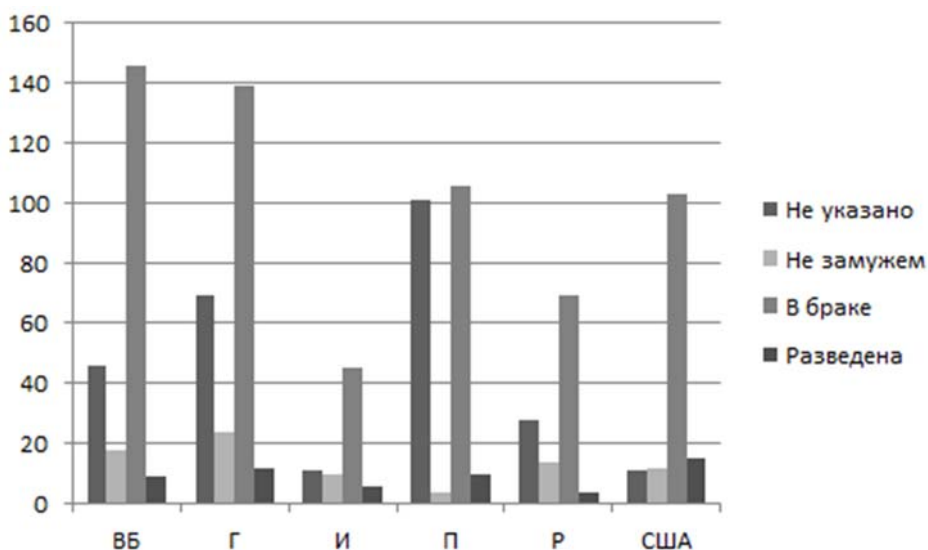

Рис. 1. Семейное положение женщин-депутатов

По мнению ряда исследователей [3; 4; 25], необходимость для женщин-политиков совмещать семейную (рождение, воспитание детей, выполнение домашних обязанностей – так называемая «вторая смена») и политическую деятельность влияет на достаточно высокий возраст вступления женщины в политику. Действительно, средний возраст женщины-политика в странах выборки в 2017–2022 гг. достаточно высок и составляет 53 года, при том, что наибольшее количество депутатов женского пола находится в промежутке от 53 до 56 лет. Однако материалы БД не свидетельствуют о том, что депутаты национальных парламентов женского пола существенно старше своих коллег-мужчин: так, средний возраст женщин-политиков в Великобритании, исходя из материалов БД, составил 49 лет, в то время как средний возраст всех парламентариев по итогам выборов 2017 и 2019 гг. составил примерно 51 год [27]; средний возраст женщин, попавших в Палату представителей США между 2017 и 2021 гг., – 55,2 года (по материалам БД), в то время как средний возраст всех членов Палаты представителей 117-го Конгресса США – 58,4 года [20].

Комплексное изучение уровня образования, занимающих представительные посты во власти, подтверждает гипотезу о том, что среди активных участников политической сферы преобладают лица с более высоким уровнем образования (рис.2

). Подавляющее большинство женщин на этих должностях (95 %) имеют высшее образование. В этой плеяде 27 % имеют степени магистра, а еще 12 % получили ученые степени, что отражает их стремление к науке. Лишь 4 % женщин-парламентариев имеют среднее профессиональное образование, что подчеркивает редкость этого образовательного уровня в политическом представительстве. Примечательно, что только 1 % женщин-депутатов вообще не имеют специального образования, что является свидетельством высокого уровня академической квалификации среди женщин, занимающих политические должности. Это позволяет говорить о важности высшего образования для облегчения и расширения участия женщин в представительных органах власти.

Наибольшее количество женщин с учеными степенями заседают в парламентах ФРГ и РФ (об этом же писали российские [4, С. 75; 2, С. 244] и немецкие [26] исследователи). Значительный про-

цент женщин с учеными степенями предполагает более требовательное отношение к женщине со стороны избирателя, ожидающего от политика компетентности для принятия решений. Эти данные могут свидетельствовать и о целевых группах, которые используют политические партии для рекрутирования сторонниц и расширения представительства.

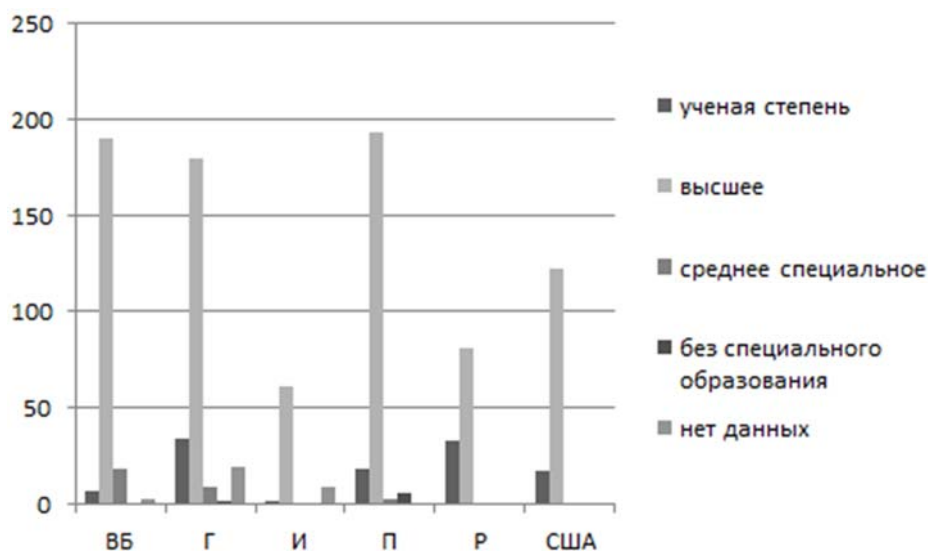

Рис. 2. Уровень образования женщин-депутатов

Б. Бич и Д. Джоунс отмечают, что, хотя «кандидаты часто утверждают, что их опыт работы в бизнесе ... повлияет на то, как они будут управлять, а избиратели ... убеждены, что профессиональный опыт улучшит результаты выборов, тем не менее, существует мало фактов, подтверждающих эту точку зрения» [11]. Впрочем, исследования российских кейсов свидетельствуют о том, что у большинства женщин-депутатов, на каком уровне власти они ни представлены, фиксируется богатый профессиональный опыт, обычно в бюджетной сфере, бизнесе или некоммерческом секторе [5, С. 233]. Данные БД подтверждают эти выводы на более широком кросснациональном уровне: опыт вне политики есть у 88 % женщин, попавших в БД, и в основном он связан с юриспруденцией, бизнесом и образованием (рис. 3).

Рис. 3. Профессиональный опыт женщин-депутатов

Интересная тенденция отмечается при изучении религиозной принадлежности женщин-политиков, при доминирующих позициях католичек. Эта закономерность особенно интересна в раз-

резу религиозной ситуации в США и Германии. В Соединенных Штатах, где в целом протестантов больше, чем католиков, представительство женщин-политиков отражает относительно равное присутствие католиков и протестантских конфессий. Между тем, в Германии, стране, где католическое и протестантское население примерно равно, женщины-парламентарии в основном исповедуют католическую веру. Эта обратная пропорция между двумя странами представляет собой интересный феномен. Тем не менее, сделать однозначные выводы о распространенности той или иной конфессии среди женщин-депутатов остается непростой задачей. Ограничение связано с относительно небольшим размером выборки и значительным процентом парламентариев, которые публично не раскрывают свои религиозные взгляды (68 %). Стоит отметить, что лидерами по раскрытию своих религиозных предпочтений являются американки (93 %) и немки (58 %). Это согласуется с более широким вопросом о важности фактора религиозности в политике в этих двух странах. В США в рамках предвыборных гонок часто уделяется большое внимание религиозности кандидата, в Германии, где господствует идеология христианской демократии, религиозная принадлежность кандидатов также занимает центральное место.

Основываясь на предположении, что женщины, занимающие политические должности, по своей сути будут защищать интересы женщин и отдавать приоритет темам, актуальным для женского населения, благодаря «общему опыту», был рассмотрен показатель, оценивающий наличие или отсутствие гендерных вопросов в повестке женщин-политиков и его ключевые характеристики [21]. Однако примечательно, что только 58 % женщин включают гендерные вопросы в свою политическую повестку (рис. 4). Можно предположить, что молодые женщины будут проявлять повышенный интерес к обсуждению и решению гендерных вопросов, однако данные показывают, что это предположение не обязательно соответствует действительности. Среди молодых политиков в возрасте до 35 лет доля, использующая гендерные вопросы в своей политической повестке, остается относительно невысокой и составляет 61 %.

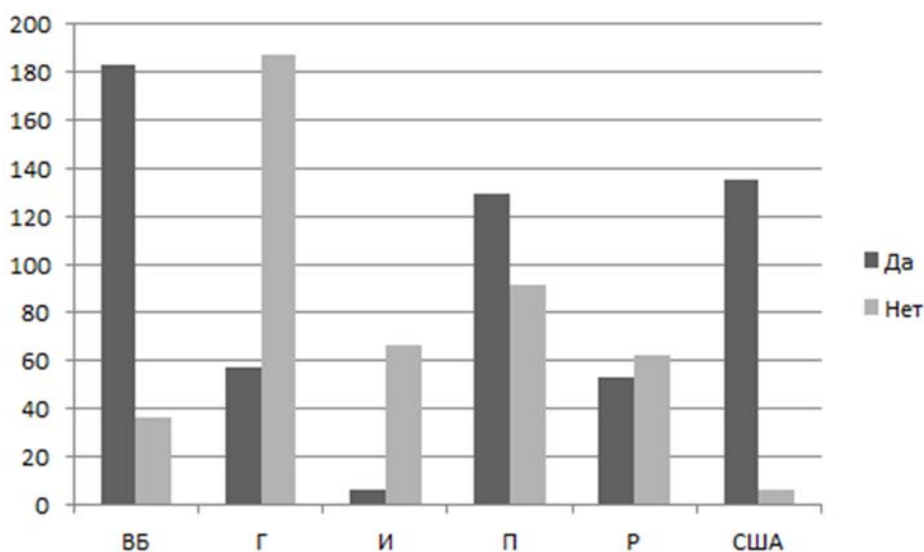

Рис. 4. Представленность гендерной повестки в риторике женщин-депутатов

Региональные факторы оказывают ощутимое влияние на активизацию гендерной повестки среди женщин-депутатов. Яркой иллюстрацией этого влияния являются Соединенные Штаты, где самый высокий процент женщин-депутатов придерживаются позиции по гендерным вопросам: около 95 % американских представителей включают гендерные аспекты в свои политические программы. Эта распространенность тесно связана с продолжающимся и активно обсуждаемым вопросом о праве на аборт в Соединенных Штатах. Аналогичные модели более активного участия в гендерной повестке дня можно наблюдать в Ирландии. Проблема легализации абортов выдвинула женскую повестку на передний план политического дискурса в стране, заставив значительную часть женщин-политиков занять определенную позицию по гендерным вопросам.

Напротив, в России, Польше и Германии эти цифры существенно ниже. В России и Германии сравнительно приглушенная вокализация гендерной повестки среди женщин-депутатов может быть объяснена относительно ограниченным общественным обсуждением статуса женщин в этих странах. В Польше ситуация иная из-за существенного влияния Католической церкви на общественную повестку и длительного пребывания у власти консервативной партии «Право и справедливость». Оба фактора способствуют созданию атмосферы, менее благоприятной для открытых дебатов по женским проблемам.

Исходя из БД, становится очевидным, что основной политический капитал женщин-парламентариев заключается в их партийной карьере и общественной активности. Значительное большинство женщин (90 %) активно участвовали в партийных организациях до вступления в должность депутатов. Напротив, участие женщин в общественной активности заметно ниже и составляет всего 22 % от общего числа. Интересно, что из 222 парламентариев, обладающих активистским опытом, лишь 53 женщины до своего выдвижения в парламент не имели никакой партийной принадлежности. Это подчеркивает тенденцию, согласно которой политические партии активно вербуют женщин в свои ряды, независимо от их участия в социальной активности. По сути, основным средством участия женщин в национальной политике по-прежнему остается их участие в партийном процессе.

Женщины в национальной политике 2017-2021 гг.: результаты корреляционного анализа

Во всех исследуемых странах женщины не только выдвигаются в качестве кандидатов на выборах и получают депутатские мандаты, но и обладают значительным влиянием в президиумах партий: в 17 из 28 партий, включенных в базу данных, женщины занимают руководящие должности. Феномен женского политического лидерства наиболее выражен в четырех из рассматриваемых стран: Великобритания, Ирландия, США и Германии, где индекс демократии стабильно превышает 0,76.

Германия, в частности, представляет собой примечательный образец широкого участия женщин в политическом процессе. Из шести крупнейших немецких партий, представленных в Бундестаге, пять возглавляют женщины. Примечательно, что, несмотря на отсутствие гендерных квот на государственном уровне в Германии, большинство крупных политических партий добровольно используют такие механизмы. Интересный случай представляет «Альтернатива для Германии», партия, которая отрицает гендерные квоты, и в которой преобладает женское лидерство – явление, возможно, коренящееся в прагматическом подходе радикальных правых к представительству женщин.

Эмпирический анализ с использованием линейного коэффициента Пирсона выявил сильную положительную связь между количеством женщин в управленческом аппарате партии и долей женщин в избирательных списках и парламентских фракциях. Эта связь наиболее выражена в левых партиях, где участие женщин в активной политической деятельности достигает самого высокого уровня. Эта тенденция тесно связана с растущим сближением женской повестки дня с «зелеными» идеологиями, популярность которых растет. Так, у немецких «зелёных» на 2021 г. половину руководящего состава партии составляли женщины, у ирландских социал-демократов оба лидера были женского пола, в Польше более 40 % руководящих постов в Союзе демократических левых сил также занимали женщины.

	Женщины в партийных списках	Женщины в парламентской фракции
Женщины в президиуме	,567**	,777**

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Существует распространенное мнение о превалирующей роли гендерного квотирования в вопросе женского участия в политике [10]. Данные исследования на выборке шести стран выявили высокий уровень корреляции между государственным законом, принуждающим партии включить женщин в списки кандидатов на выборах, но слабый уровень дескриптивной репрезентации женского

пола в соответствующих фракциях представительных органов (кейсы Польши и Ирландии). В случаях, когда инструмент квотирования применяется партией добровольно (кейсы Германии и Великобритании), влияние этого параметра на представленность женщин в партийных президиумах существенно возрастает. Поскольку в случае наличия государственного закона партии, хотя и вынуждены подчиняться требованиям, чтобы не потерять финансирование (как в Ирландии) или быть снятыми с выборов (как в Польше), они не всегда в действительности стремятся выставить кандидатов женского пола, которые могут пройти в парламент. Напротив, когда решение о квоте не навязывается государством, а является сознательным выбором партии, руководство которой осознает необходимость модернизации, это приводит к росту представленности женщин в управлении партийным аппаратом.

	Женщины в президиуме	Женщины в партийных списках	Женщины в парламентской фракции
квота (партийная)	,685**	,501**	,363**
квота (государственная)	,172**	,871**	,392**

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

В исследованиях существует предположение о «прямой зависимости между тем фактом, что в Швеции и в Норвегии 40–44 % женщин в парламентах и 47–50 % в правительствах и долей в доходах, принадлежащей женщинам, которая составляет соответственно в Норвегии 42,2 % и в Швеции 44,7 %» [7]. Проведенный на выборке шести стран анализ позволяет подтвердить предположение о значимости уровня дохода женщин: коэффициент Пирсона, равный 0,286, указывает на умеренную положительную корреляцию между коэффициентом равенства доходов и числом женщин в избирательных списках. Это говорит о том, что по мере увеличения коэффициента равенства доходов наблюдается тенденция к увеличению числа женщин в избирательных списках. Значение r , равное 0,000, предполагает, что наблюдаемая корреляция является высокостатистически значимой и указывает на веские основания отвергнуть нулевую гипотезу об отсутствии связи между коэффициентом равенства доходов и числом женщин в избирательных списках. Это означает, что наблюдаемая корреляция вряд ли возникла случайно.

Заключение

Анализ составленной авторами исследования базы данных по женщинам-политикам верхних и нижних палат представительных органов США, Великобритании, Ирландии, ФРГ, Польши и России (2017–2021 гг.) позволяет составить следующий социальный портрет женщины-парламентария: это замужняя женщина с двумя детьми, высшим образованием, работавшая в области юриспруденции, экономики, образования или имевшая свой бизнес, как правило, связанная со своей партией через молодежные или региональные организации задолго до прохождения от нее в национальный парламент.

Проведенный на основе теоретических материалов и эмпирических данных анализ позволяет говорить о том, что факторы, влияющие на уровень женского представительства в национальных парламентах, могут быть разными в различных регионах и странах. В ходе исследования, проведенного на выборке из шести стран, удалось подтвердить слабо выраженную, но существующую связь между движением страны к гендерному равенству в экономической сфере и ростом представленности женщин в парламенте. Кроме того, исследование выявило лишь слабую корреляцию между наличием или отсутствием государственного закона о квотах и долей женщин в национальном парламенте. Возможно, влияние гендерного квотирования можно положительно оценивать лишь по прошествии существенного времени с момента принятия закона: так, данные по Аргентине, в которой закон о гендерных квотах был введен в 1991 г. (в то время как в Польше в 2011 г., а в Ирландии – в 2014 г.), свидетельствуют об этом, поскольку страна на сегодня занимает ведущее место в регионе по уровню гендерного равенства. Кроме того, выборка из шести стран не позволяет уверенно экстраполировать

выводы исследования на общемировую ситуацию, поэтому выводы, сделанные исследовательским коллективом, скорее ставят вопросы для дальнейших проектов, чем постулируют окончательные результаты анализа.

Более значительная роль внутривнутрипартийных решений о гендерных квотах в увеличении женского представительства в партийном лидерстве, как представляется, вполне объяснима и свидетельствует о том, что в обществе и партиях должна созреть достаточная мотивация, чтобы продвигать женщин не номинально, а фактически. Об этом свидетельствует высокий уровень корреляции между готовностью партий включить женщин в свои руководящие органы и дескриптивной репрезентацией женского пола в соответствующих партийных фракциях представительных органов. Широкое женское представительство не всегда оказывается связанным с высокой представленностью гендерной повестки в парламентских фракциях. Здесь большее значение имеют страновые особенности, обуславливающие большую или меньшую степень актуальности женской проблематики (например, вопрос о праве на легальный аборт в Ирландии и США). Собранные в ходе реализации проекта данные убеждают в том, что партии (например, их региональные отделения или молодежные организации) по-прежнему остаются основным каналом рекрутирования профессиональных женщин-политиков.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ и ЭИСИ № 21-011-31794 «Мобилизация vs самоорганизация: кросснациональный анализ факторов и векторов женского участия в политике»

The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31794 «Mobilization vs self-organization: cross-national analysis of factors and vectors of female participation in politics»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В России за четыре года вдвое выросло число атеистов // РБК. 2021. 23 марта. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/03/2021/6059a2fd9a7947c314aab9c4> (дата обращения 04.07.2023).
2. Кашина М. А. Женщины в российских парламентах: перейдет ли количество в качество? Кейс Законодательного собрания Санкт-Петербурга // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 238-251. DOI: 10.17223/1998863X/54/22
3. Козлова Н. Н., Монахова Ю. А. Женщины-депутаты представительных органов Приволжского федерального округа: опыт анализа политических биографий // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Том 13. №2. С. 57-69.
4. Козлова Н. Н. Депутатский корпус региональных парламентов Южного федерального округа: опыт гендерного анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Том 18. №2 С. 68-84.
5. Милаева О. В. Социальный портрет субфедерального депутатского корпуса Республики Хакасия: гендерный аспект // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2020. Т. 8. № 2 (30). С. 228-238.
6. Мобилизация vs самоорганизация: кросснациональный анализ факторов и векторов женского участия в политике. URL: <http://crossnationalanalysis2021.tilda.ws/page1> (дата обращения 02.02.2023).
7. Шведова Н. А. Квоты: благо или новые проблемы? // Open Women Line. URL: <http://www.owl.ru/win/books/policy/quota.htm#1> (дата обращения 02.02.2023).
8. AfD-Chefin Petry hält Merkel Kinderlosigkeit vor // Stern. 2016. 14 September. URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/frauke-petry--afd-chefin-haelt-angela-merkel-kinderlosigkeit-vor-7056952.html> (дата обращения 28.06.2023).
9. Balanced participation of women and men in decision-making. Analytical report – 2016 data // Gender Equality Commission. 2016. URL: <https://rm.coe.int/analytical-report-data-2016-/1680751a3e> (дата обращения 02.02.2023).
10. Barnes T. D., Holman M. R. Gender Quotas, Women's Representation and Legislative Diversity // The Journal of Politics. 2020. Vol. 82. № 4. P. 1271-1286.
11. Beach, B., Jones, D. B. Business as usual: Politicians with business experience, government finances, and policy outcomes // Journal of Economic Behavior & Organization. 2016. Vol. 131. P. 292-307.
12. Bratton, K. A. Critical mass theory revisited: The behavior and success of token women in state legislatures // Politics & Gender. 2005. Vol.1. № 1. P. 97-125.
13. Bulman M. Andrea Leadsom on Theresa May and motherhood // The Independent. 2016. 09.07. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/andrea-leadsom-interview-theresa-may-mother-toryleadership-campaign-a7128331.html> (дата обращения 05.07.2023).
14. Childs S., Krook M. L. Critical mass theory and women's political representation // Political studies. 2008. Vol. 56. № 3. P. 725-736.
15. Dahlerup, D. From a small to a large minority: Women in Scandinavian politics // Scandinavian Political Studies. 1988. Vol. 11. № 4. P. 275-298.

16. Democracy Index 2021: the China challenge // The Economist Intelligence Unit. URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2021/> (дата обращения 02.02.2023).
17. Fioramonti L., Coscieme L., Trebeck K. Women in power: it's a matter of life and death // Social Europe. 01.06.2020. URL: <https://socialeurope.eu/women-in-power-its-a-matter-of-life-and-death> (дата обращения 15.12.2021).
18. Hernes H. Welfare state and woman power: Essays in state feminism. Oxford: Oxford University Press, 1988. 176 p.
19. Hesketh, A., & Williams, J. B. Public policy on gender equality in the United Arab Emirates: a critical appraisal // International Journal of Sustainable Society. 2021. Vol. 13. № 4. P. 254-272.
20. Manning, J. E. Membership of the 117th Congress: A Profile // Congressional Research Service. 2022. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46705> (дата обращения 05.07.2023).
21. Mansbridge, J. Should blacks represent blacks and women represent women? A contingent "yes" // The Journal of politics. 1999. Vol. 61. №3. P. 628-657.
22. Pitkin, H. F. (1967). The concept of representation. Univ of California Press. 330 с.
23. Proportion of seats held by women in national parliaments (%) // The World Bank. 2021. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SG.GEN.PARL.ZS> (дата обращения 02.02.2023).
24. Przeworski A. Methods of cross-national research 1970-1983 // Comparative Policy Research: Lessons From The Past And Challenges For The Future. Gower Publishers, 1986.
25. Rosenbluth F., Kalla J., Teele D. The Female Political Career // World Bank. 2015. URL: https://www.womenpoliticalleaders.org/wp-content/uploads/2015/01/Final_13012015_The-Female-Political-Career.pdf (дата обращения 05.07.2023).
26. Schäfer A. Die Akademikerrepublik: Kein Platz für Arbeiter und Geringgebildete im Bundestag?. Gesellschaftsforschung. 2013. № 2. P. 8-13.
27. Watson C. House of Commons trends: The age of MPs // House of Commons Library. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/house-of-commons-trends-the-age-of-mps/> (дата обращения 05.07.2023).

Статья поступила в редакцию 18.01.2024

Передана на рецензирование 18.01.2024

Рекомендована к публикации 05.02.2024

Вершинина Дарья Борисовна, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории и археологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: daryapros@yandex.ru

Бурмистрова Екатерина Сергеевна, ассистент кафедры истории и археологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15;
старший преподаватель кафедры истории и философии,
Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова
614990, Россия, г. Пермь, ул. Петропавловская, 23
E-mail: burmi-k@yandex.ru

D.B. Vershinina, E.S. Burmistrova

WOMEN IN REPRESENTATIVE BODIES OF POWER IN 2017–2021: A CROSS-NATIONAL ANALYSIS

DOI: 10.35634/2587-9030-2024-8-1-91-104

The paper analyzes similarities and differences in the social portrait of female politicians in the countries of Western, Eastern Europe and North America (Great Britain, Germany, Ireland, Poland, Russia, and USA), as well as the correlation between the state specifics of socio-economic and political spheres and the level of women's representation in politics. A cross-national study of the trajectories of women entering politics was implemented on the basis of the database "Women in representative bodies of power, political parties and activism, 2017-2021" prepared by the research team. The sections of the database help in covering the gender agenda of political parties, the presence or absence of gender quotas at the intra-party or state levels, the representation of women in party bodies and electoral lists for 2017-2021. They also help in providing a detailed portrait of female deputies. Based on the concept of descriptive and substantive representation, the authors identify the key characteristics of the portrait of a female parliamentarian in the selected countries and conclude that parties, in particular their regional branches or youth organizations, are the main channel for

recruiting professional female politicians. Activism, despite its visibility in the media, becomes a channel for promotion to parliament for only one in five female parliamentarians in the selected countries. Based on the application of correlation analysis, an assumption is formulated, which needs to be confirmed on a larger sample, that intra-party decisions on gender quotas, rather than state ones, play a more significant role in increasing the representation of women in the party's faction.

Keywords: gender politics, political mobilization, political participation, gender quotas, female politician, gender, parliamentarism.

REFERENCES

1. AfD-Chefin Petry hält Merkel Kinderlosigkeit vor // Stern. 2016. 14 September. URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/frauke-petry--afd-chefin-haelt-angela-merkel-kinderlosigkeit-vor-7056952.html> (дата обращения 28.06.2023).
2. Balanced participation of women and men in decision-making. Analytical report – 2016 data // Gender Equality Commission. 2016. URL: <https://rm.coe.int/analytical-report-data-2016-/1680751a3e> (дата обращения 02.02.2023).
3. Barnes T.D., Holman M.R. Gender Quotas, Women's Representation and Legislative Diversity // The Journal of Politics. 2020. Vol. 82. № 4. P. 1271-1286.
4. Beach, B., Jones, D. B. Business as usual: Politicians with business experience, government finances, and policy outcomes. Journal of Economic Behavior & Organization. 2016. Vol.131. P. 292-307.
5. Bratton, K. A. Critical mass theory revisited: The behavior and success of token women in state legislatures // Politics & Gender. 2005. Vol.1. № 1. P. 97-125.
6. Bulman M. Andrea Leadsom on Theresa May and motherhood // The Independent. 2016. 09.07. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/andrea-leadsom-interview-theresa-may-mother-toryleadership-campaign-a7128331.html> (дата обращения 05.07.2023).
7. Childs S., Krook M.L. Critical mass theory and women's political representation // Political studies. 2008. Vol. 56. № 3. P. 725-736.
8. Dahlerup, D. From a small to a large minority: Women in Scandinavian politics // Scandinavian Political Studies. 1988. Vol. 11. № 4. P. 275-298.
9. Democracy Index 2021: the China challenge // The Economist Intelligence Unit. URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2021/> (дата обращения 02.02.2023).
10. Fioramonti L., Coscieme L., Trebeck K. Women in power: it's a matter of life and death // Social Europe. 01.06.2020. URL: <https://socialeurope.eu/women-in-power-its-a-matter-of-life-and-death> (дата обращения 15.12.2021).
11. Hernes H. Welfare state and woman power: Essays in state feminism. Oxford: Oxford University Press, 1988. 176 p.
12. Hesketh, A., & Williams, J. B. Public policy on gender equality in the United Arab Emirates: a critical appraisal. International Journal of Sustainable Society. 2021. Vol. 13. No. 4. P. 254-272.
13. In Russia, the number of atheists has doubled in four years // RBC. 2021. March 23. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/03/2021/6059a2fd9a7947c314aab9c4> (accessed 07/04/2023).
14. Kashina M.A. Women in Russian Parliaments: Will Quantity Transform Into Quality? Case of the Legislative Assembly of St. Petersburg. Tomsk state university journal of philosophy, sociology and political science. 2020. № 54. P. 238-251. DOI: 10.17223/1998863X/54/22
15. Kozlova N.N. Deputy corps of regional parliaments of the southern federal district: gender analysis. Human. Community. Management. 2017. Vol 18. №2 P. 68-84.
16. Kozlova N.N., Monahova Yu.A. Women deputies of representative bodies of the Volga federal district: the experience of analyzing political biographies. Bulletin of Perm University. Political Science. 2019. Vol. 13. №2. P. 57-69. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-57-69
17. Manning, J. E. Membership of the 117th Congress: A Profile // Congressional Research Service. 2022. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46705> (дата обращения 05.07.2023).
18. Mansbridge, J. Should blacks represent blacks and women represent women? A contingent "yes" // The Journal of politics. 1999. Vol. 61. №3. P. 628-657.
19. Milaeva O.V. Social portrait of the sub-federal deputy corps of the Republic of Khakassia: gender aspect. Electronic scientific journal «Science. Society. State». 2020. Vol. 8. № 2 (30). P. 228-238. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-2-25
20. Mobilization vs self-organization: cross-national analysis of factors and vectors of women's participation in politics. URL: <http://crossnationalanalysis2021.tilda.ws/page1> (accessed 02/02/2023).
21. Pitkin, H. F. The concept of representation. Univ of California Press. 1967. 330 p.
22. Proportion of seats held by women in national parliaments (%) // The World Bank. 2021. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SG.GEN.PARL.ZS> (дата обращения 02.02.2023).

23. Przeworski, A. *Methods of cross-national research 1970-1983 // Comparative Policy Research: Lessons From The Past And Challenges For The Future*. Gower Publishers, 1986.
24. Rosenbluth, F., Kalla, J., Teele, D. *The Female Political Career // World Bank*. 2015. URL: https://www.womenpoliticalleaders.org/wp-content/uploads/2015/01/Final_13012015_The-Female-Political-Career.pdf (дата обращения 05.07.2023).
25. Schäfer, A. *Die Akademikerrepublik: Kein Platz für Arbeiter und Geringgebildete im Bundestag?*. Gesellschaftsforschung. 2013. № 2. P. 8-13.
26. Shvedova N.A. *Quotas: benefit or new problems? // Open Women Line*. URL: <http://www.owl.ru/win/books/policy/quota.htm#1> (date accessed 02/02/2023).
27. Watson, C. *House of Commons trends: The age of MPs // House of Commons Library*. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/house-of-commons-trends-the-age-of-mps/> (дата обращения 05.07.2023).

For citation:

Vershinina D.B., Burmistrova E.S. Women in representative bodies of power in 2017–2021: a cross-national analysis // *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2024. Vol. 8, iss. 1. P. 91–104. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-1-91-104> (In Russ.).

The article was received by the editorial office on 01/18/2024

Submitted for review on 01/18/2024

Recommended for publication on 01/05/2024

Vershinina D.B., Candidate of History, Associate Professor at Department of History and Archaeology
Perm State University
Bukireva st., 15, Perm, Russia, 614990
E-mail: daryapros@yandex.ru

Burmistrova E.S., Assistant at Department of History and Archaeology
Perm State University
Bukireva st., 15, Perm, Russia, 614990
Senior Lecturer at Department of History and Philosophy
Perm State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov
Petrovavlovskaya st., 23, Perm, Russia, 614990
E-mail: burmi-k@yandex.ru